

Би Хэн чувствовал, как голова его раскалывается от нахлынувших проблем. Ещё когда он использовал Ли Янь в качестве приманки для Янь Сю, в его душе закрались сомнения относительно истинных намерений Цзи Байлин.

Маршрут инспекционной группы Департамента по делам женщин и путь его собственного кортежа, сопровождавшего инспекторов двух управ — Баочуань и Цзянчжоу, — изначально не должны были пересекаться. Покинув столицу, Би Хэн следовал по официальному тракту Западного Юньцзянчжоу. Чтобы миновать возможные засады ищеек из Цзянчжоу, он намеренно сделал крюк через Северный коридор Цюй, пробираясь по узким тропам уезда Чжао прямо к управе Баочуань. Из-за этого манёвра он прибыл на три-пять дней позже намеченного срока. Более того, он оставил все броские атрибуты власти — должностные таблички, знамена и гонги, возвещающие о прибытии высокого чина, — на почтовой станции Шилитай в десяти ли от города.

По всем расчетам, группа Цзи Байлин никак не могла его опередить. Однако, когда Би Хэн добрался до почтовой станции, та уже была там. Лишь после обмена любезностями он понял: Цзи Байлин по пути нигде не задерживалась. Она не вела никакой просветительской работы, а мчалась во весь опор, имея четкую и ясную цель — Цзянчжоу.

Би Хэн вспомнил, как пытался вразумить её, твердя, что обстановка в Цзянчжоу сейчас слишком взрывоопасна и не подходит для распространения идей Департамента. Он советовал ей начать с окрестных уездов, особенно с Чжао, где когда-то лично бывал с войсками Великий император. Там почва для реформ была куда более благодатной. Пусть это место и было захолустным и небогатым, любой успех стал бы весомым достижением в её послужном списке.

Цзи Байлин исполнилось двадцать шесть. В любом другом краю она бы уже давно обзавелась семьей и детьми. Но она выросла на Севере, где действовали строгие законы: девушкам запрещалось вступать в брак до двадцати лет, а принудительное замужество без согласия невесты каралось беспощадно. Ещё до начала войны за объединение на Севере отменили налог на незамужних женщин, избавив простые семьи от непосильного бремени и позволив девушкам не бросаться в брак от безысходности. Благодаря системе равной оплаты труда к моменту основания империи Данин средний возраст замужества на Севере сместился к двадцати двум-трем годам. Так что в глазах северян возраст Цзи Байлин не был чем-то из ряда вон выходящим, хотя для остальной империи она оставалась «перезрелой девой».

И всё же Би Хэн, движимый опытом старого лиса и отеческим чувством, пытался наставить её. Он учил её, как вести дела, как отвечать на язвительные замечания о её «увядающей красоте» и одиночестве, разъяснял неписанные законы чиновничьего мира и тонкости общения с местной властью.

Он искренне заботился о ней как о младшей коллеге, видя в ней сверстницу своей внучки.

Тот Би Хэн, которого помнил Цуй Люй — вспыльчивый, прямолинейный, готовый, подобно

мотыльку, лететь на огонь ради справедливости, — за двадцать лет службы в чиновничьем болоте изменился. Он стал осторожнее, научился выжидать, подстраиваться под обстоятельства и плыть по течению, когда того требовала нужда.

Лишь глубокая вера в служение народу удерживала его от падения в бездну коррупции. Несмотря на доносы недоброжелателей, и в глазах нынешнего государя, и для Великого императора Би Хэн оставался редким примером честного чиновника и надежного человека, способного на решительные действия. Именно поэтому, когда Би Хэн подал тайное прошение возглавить инспекцию соляных налогов в этом году, жребий в совете пал именно на него.

Предложение Цзи Байлин возникло как раз в тот момент, когда он ломал голову, как незаметно проникнуть в Цзянчжоу. Тогда он почувствовал, что у девушки могут быть свои мотивы, но списал всё на мелкие амбиции. Женские капризы, думал он, обычное дело: она просто хочет проучить подчиненную, используя свою власть. Грязноватый прием, но в политике действенный.

Так, в атмосфере негласного сговора, Ли Янь и оказалась в руках людей Янь Сю.

Столкнувшись с пронзительным, ледяным взглядом Цуй Люя, Би Хэн почувствовал жгучий стыд.

— Признаю, в случившемся с Ли Янь есть и моя вина, — Би Хэн тяжело вздохнул. — Этот старый пес Янь Сю совсем потерял человеческий облик. Изначально он похитил девушку, чтобы выдать её за своего больного сына. Но Ли Янь, пытаясь спастись, ляпнула, что сынок его ни на что не годен. Тогда старик решил сам взяться за дело: мол, раз сын не может, отец подсобит. Ли Янь, конечно, взбунтовалась. Начала кричать, отбиваться... А в Цзянчжоу эти старые ведьмы-прислужницы знают толк в издевательствах. Бедную девочку раздели донага, привязали к столбу кровати и... начали пытаться, щекоча перьями в самых сокровенных местах, заставляя подчиниться. Ох, бедняжка не выдержала такого позора. У неё начались конвульсии, пошла пена изо рта. Вызвали лекаря, тот поставил иглы... Тело оживили, но разум её помутился.

Эту правду выбили из старых мегер, схваченных в покоях Ли Янь. На деле же пытки были куда изощреннее — настоящее психологическое насилие, призванное сломить волю.

Цуй Люй прикрыл глаза, его челюсти плотно сжались.

— Ли Янь — Святая дева Цзиннаня. Ты хоть понимаешь, что это значит? — его голос дрожал от сдерживаемой ярости. — Её тело, душа, мысли — всё, в чем она росла, было чистым. Даже когда Святым девам разрешили вступать в брак, многие из них предпочитали одиночество. Для них девственность и чистота помыслов — святыни, которые нельзя осквернять. А вы... вы позволили ей пасть в эту бездну унижения. Маленькая, наивная девочка, никогда не знавшая зла... Как, по-твоему, она должна была это вынести? Как ей было не сойти с ума?

Ей только исполнилось восемнадцать. Первое десятилетие она провела в коконе любви и

заботы близких. Позже, на чужбине, под покровительством императорского рода У, окружающие тоже проявляли к ней лишь доброту.

Она выросла в любви, не ведая, насколько черным может быть человеческое сердце.

Би Хэн в отчаянии притопнул ногой.

— Я не знал! Клянусь, я не знал! Я думал, раз она служит в Департаменте, значит, её характер и разум закалены. Думал, она умеет постоять за себя в опасности. Кто же мог вообразить, что она настолько... хрупкая.

Он полагал: раз женщина осмелилась служить при дворе наравне с мужчинами и проповедовать новые идеи, значит, у неё железная воля и высокая стойкость к невзгодам.

Как же он ошибался!

Цуй Люй безжалостно обнажил его истинные мысли:

— В глубине души ты никогда не считал её — или других женщин-чиновников — равной себе. Ты лишь следовал воле свыше, выставляя напоказ свое дружелюбие. Ты всё ещё уверен, что место женщины — в тени мужского плеча, за стенами внутренних покоев. Именно поэтому ты так легко сговорился с Цзи Байлин. Ты ведь даже допускал мысль, что если Ли Янь не удастся вызволить, она просто станет наложницей старого лиса Янь Сю. Ты думал, что это поможет тебе в делах, даст зацепку в Цзянчжоу, позволит действовать скрытно...

Би Хэн под тяжелым взглядом Цуй Люя опустил голову, не в силах возразить. Его неприглядные мысли были выставлены на свет.

— ...Более того, ты даже придумал для неё оправдание на будущее. Мол, если она не сможет смириться с этой связью, ты утетишь её северными законами. В Северных землях развод не считается позором — просто неудачный опыт, не так ли? На самом деле ты ненавидишь эти новые порядки. Ты не приемлешь саму мысль о том, что женщина может свободно ходить по улицам или работать. Ты хотел, чтобы реальность проучила этих дев, включая Цзи Байлин. Ты хотел показать им, насколько жесток мир мужчин, заставить их покорно вернуться к очагу и признать, что все их усилия тщетны!

Цуй Люй с разочарованием посмотрел на друга, словно говоря одновременно и с самим собой:

— Раньше я и сам не ценил женский труд. Не думал, что вклад женщины в жизнь клана может быть значимым. Считал, что они рождены лишь для того, чтобы искать защиты у мужчин, что без нас у них нет места в этом мире. Даже законы и древние летописи почти не упоминают их имен. Би Хэн, мы состарились. Наш разум заперт в оковах этой эпохи, мы не поспеваем за идеалами Великого императора. Раньше я смотрел, как знатные кланы противятся новым

школам, и думал — они правы. Если бы кто-то посягнул на мои идеалы благородного мужа, вдалбливая чушь о равенстве, я бы тоже полез в драку. Но скажи мне, Би Хэн, в чем на самом деле разница между мужчиной и женщиной? Если дать им то же образование, те же возможности для службы, ту же свободу — они будут дорожить этим шансом куда сильнее нас. Они добьются того, что многим мужчинам и не снилось. Не смей недооценивать женщин. Это мы никогда не давали им шанса. Мужчины просто боятся, что женщины вырастут и станут сильнее. Мы веками подавляли их, создавая иллюзию «слабого пола». Но стоит им пробудиться, начать сопротивляться, и тогда...

Мир изменится навсегда.

Би Хэн замер с полуоткрытым ртом, осознав свою ничтожность, а затем неловко кашлянул, прочищая горло:

— Брат мой, я понимаю твою боль. Я принимаю все твои упреки. Но не будь слишком строг. Государственные указы не меняются в одночасье по воле одного человека. Тысячелетняя история, упрямые старцы-ученые — они молчат, но их влияние огромно. Местные наставники лишь делают вид, что покорны воле императора. Ты говоришь о равном образовании... Женские школы существуют уже несколько лет, но они полупустые. Дали им шанс? Дали! Но над каждой девой стоят отец и братья. Одно слово о том, что прогулки по улицам позорят род, — и двери перед ними закрываются навсегда. Так что, Цуй Люй, твои мечты несбыточны. К тому же, я хотя бы пытаюсь скрывать свои мысли, а в столице... там о женщинах-чиновниках ходят такие гнусные слухи, на них указывают пальцами с таким презрением... Без каменного сердца там не выжить.

Именно поэтому он ошибочно полагал, что и Ли Янь обладает такой же броней.

Глаза Цуй Люя сверкнули. Он посмотрел на друга и внезапно усмехнулся:

— А что, если в Цзянчжоу мужчин станет меньше, чем женщин? Что, если им позарез понадобятся те самые «никому не нужные» знания из женских школ? Би Хэн, хватит ли у тебя сил перенести филиал женской академии в Цзянчжоу? Сможешь ли ты убедить двор широко распахнуть двери для этого начинания? Например, пригласить знаменитых учителей? Объявить по всей империи, что таланты могут найти здесь место для преподавания?

Би Хэн невольно вздрогнул. В горящем взгляде Цуй Люя он увидел пугающую решимость.

— Если только я возьму Цзянчжоу под полный контроль... или если двор полностью перехватит управление областью. Иначе в ближайшее время это невозможно. Школу открыть легко, но где взять учителей? Именитые наставники не пойдут к девкам. А ученые мужи... Если только какой-нибудь неудачник-цзюйжэнь согласится. Цуй Люй, там, где женщин больше, мужчины затягивают узду ещё туже. Свободу женщинам дают лишь там, где их не боятся. Новые порядки Великого императора слишком... э-э... идеалистичны.

Идеалы разбились о реальность, и Великий император приостановил реформы, решив

действовать постепенно, через эксперименты в отдельных областях.

Цуй Люй прикрыл глаза, отдыхая, но в душе его зрело решение: «Если государство не хочет этим заниматься — займусь я. С моей библиотекой, оставленной предками, мне не нужны именитые старцы. Найду грамотных сюцаев и цзюйжэней, пусть читают по книгам. Клянусь, прежде чем проклятие гу проявит себя в полную силу, я научу каждую женщину, готовую выйти за порог, грамоте и делу».

Би Хэн решил, что Цуй Люй успокоился, но тот вдруг произнес нараспев:

— Я решил расширить нашу клановую школу. Создам в ней женское отделение. Господин губернатор, надеюсь, эти упрямые старикашки не могут запретить частному клану учить своих детей тому, чему он хочет? Ха! Пусть болтают что угодно, мне плевать. Я трачу свои деньги на образование своих дочерей и внучек. А если кто-то посмеет сунуть нос в мои дела — велю облить их ворота нечистотами.

В этой последней фразе проявилась вся натура деревенского богатея-самодура.

Би Хэн потерял дар речи. Немного помолчав, он ответил:

— Места у тебя глухие, под видом клановой школы это может и не привлечь лишнего внимания. Звучит разумно. Вот только наставников хороших не сыщешь. Простые сюцаи мало что смыслят в глубоких науках. Вряд ли ты сможешь вырастить из них настоящих чиновниц.

Цуй Люй иронично вскинул бровь и махнул рукой:

— У меня нет таких амбиций. Моя школа будет учить базе: читать, писать, считать. Пусть просто станут грамотными. А уж смогут ли они подняться выше — не в моих силах решать. Хотя... если среди них найдется пара талантов, способных схватывать всё на лету и видеть суть вещей... Если однажды они предстанут перед государем и помогут своим сестрам — это будет сделка века. Моя школа окупится в один миг.

Би Хэн вытаращил глаза, внимательно разглядывая друга.

— Ты что, решил превратить женское образование в бизнес?

Цуй Люй прищурился и кивнул:

— Понимай как хочешь. Когда будешь рассказывать о моей школе, можешь так и говорить. В моих хранилищах полно редчайших книг. Отныне любой, кто захочет получить доступ к моим фолиантам, должен будет подписать договор: отработать учителем в моей школе от полугода до двух лет. Хватит с меня бесплатного чтения!

Превосходная мысль. Нужно будет сразу всё устроить в клане, как только вернусь.

Цуй Люй почувствовал, как к нему возвращаются силы. Туман в голове, вызванный катастрофой гу, окончательно рассеялся. Теперь он точно знал свой следующий шаг.

Начнет с уезда Хуйцуй. Каждая женщина должна уметь читать. Каллиграфия и поэзия подождут — первым делом грамота и счет. Они должны встретить грядущую беду с ясным умом и умением решать проблемы.

Вскоре вернулся один из людей Би Хэна с докладом:

— Господин, госпожа Цзи здесь. Господина Цю я отправил к лекарю присматривать за девушкой Ли. Лекарь говорит, дела её плохи, дыхание совсем слабое...

Цуй Люй резко выпрямился, глядя на занавесь:

— Проси госпожу Цзи войти. Скажи, что у губернатора Би к ней важный разговор.

В конце концов, он был лишь цзюйжэнем, и вызывать на допрос чиновницу было бы верхом дерзости.

Би Хэн кивнул:

— Веди.

Цзи Байлин впихнули в комнату под дулом клинка. Она была бледна, а прямо посреди лба раздулся бугор размером с мизинец, который непрестанно пульсировал и перемещался под кожей. Каждое движение этого бугра отражалось на её лице гримасой нечеловеческой боли, но она лишь крепче сжимала челюсти, не издавая ни звука.

«Ради вечной молодости и долголетия она готова на всё», — подумал Цуй Люй.

Би Хэн велел всем выйти. Он встал перед Цзи Байлин и с тяжелым вздохом посмотрел на неё:

— Госпожа Цзи, как же ловко вы всё обставили! Заставили меня поверить, что искренне хотите помочь... А сами втайне лелеяли такие корыстные помыслы.

Глаза Цзи Байлин, налитые кровью от боли, уставились на него:

— О чем вы, господин губернатор? Я вас не понимаю.

Би Хэн кивнул, указывая на её лоб:

— Личинка Молодого гу-короля. Вы ведь уже впустили её в свое тело? Цзи Байлин, почему вы не сказали мне, кто такая Ли Янь на самом деле? Почему не предупредили о последствиях взрыва гу? Вы погубили не только мою репутацию, вы погубили весь Цзянчжоу! И себя в придачу.

Цзи Байлин молчала, её тело сотрясала дрожь. Личинка проходила стадию отторжения, и если она не сможет подчинить её сейчас, вторая попытка принесет вдвое больше мучений. Она не смела отвлекаться.

Но Би Хэн не собирался оставлять её в покое. Он обошел её кругом, видя, как пот заливает её лицо, а форменное платье промокло насквозь.

— Госпожа Цзи, верните личинку Ли Янь. Я сделаю вид, что ничего не произошло. Не будет никаких тайных докладов. Мы сотрем все следы вашего пребывания в Цзянчжоу. Согласны?

Цзи Байлин хрипло рассмеялась. Её лицо исказилось от боли.

— Не согласна. Я привезла её сюда именно ради этой личинки. Теперь, когда она у меня, я ни за что её не отдам. И не надо меня пугать. Сейчас в Цзянчжоу не осталось наследников. Через три-пять лет двор без единого выстрела возьмет область под полный контроль. Эти старикашки в совете, которые грезят о налогах Цзянчжоу, будут молить о моем помиловании. Учитывая заслуги моего рода, Великий император и нынешний государь подержат меня под замком пару лет и отпустят. Ли Янь обречена, личинка во мне. Я стану новой Святой девой Цзиннаня. И я смогу проповедовать новые идеи среди женщин гораздо эффективнее, чем эта девчонка. Я помогу Великому императору объединить народы. Я сделаю всё то же, что и она, только лучше!

Цуй Люй не выдержал. Он схватил стоявшую под рукой чашку с чаем и швырнул в неё. Горячая жидкость облила ей лицо, звон разбитого фарфора повис в гробовой тишине.

Спустя мгновение Цуй Люй подался вперед:

— Цзи Байлин, ты и впрямь так глупа или только прикидываешься? Ты ведь сама слышишь, как лживы твои слова. Ты пытаешься убедить себя, но в душе дрожишь от страха, не так ли? Все эти оправдания — лишь попытка успокоить себя перед лицом неминуемой казни. Будь ты так уверена в своей правоте, ты бы смотрела на губернатора Би свысока, а не тараторила без умолку, пытаясь убедить себя, что всё будет хорошо. К чему этот фарс?

На лбу Цзи Байлин проступила тонкая струйка крови. Она в ярости уставилась на Цуй Люя:

— Дерзкий раб! Кто ты такой, чтобы так говорить с чиновником?! Как ты смеешь поднимать на меня руку? Когда я закончу с делами, ты ответишь за свое нечестие головой!

Цуй Люй холодно посмотрел на неё и внезапно спросил:

— Откуда ты узнала, что в Ли Янь скрыта личинка Молодого гу-короля? Уверен, старейшины клана запретили ей открывать этот секрет кому бы то ни было.

Цзи Байлин на миг замерла, а затем торжествующе, почти безумно рассмеялась:

— Она сама мне сказала! Мы же были «лучшими подругами». Я убедила её, что если мы поделимся секретами, наша дружба станет вечной. Какая же она наивная! Она доверила мне свою самую сокровенную тайну. Этой сироте просто повезло — её выбрали Святой девой и дали ей то же сокровище, что и у Великого императора. Я во всем лучше неё, почему же удача не улыбнулась мне? Вот я и решила забрать то, что принадлежит мне по праву.

Видимо, она слишком долго хранила это в себе. Теперь, когда плотина прорвалась, слова полились рекой:

— Когда я родилась, Великий император уже сидел на троне. Он был так высоко... Я училась, тренировалась, старалась быть похожей на него. И вдруг он отрекается от престола и уходит в странствия! Какая нелепость! Бросить такую власть... А как же я? Я ведь так старалась... Позже он ненадолго вернулся на Север. Я была так счастлива, купила подарков, пошла навестить его... И увидела лицо молодого мужчины, на вид не старше тридцати. Столь величественный, прекрасный... Он стоял ко мне спиной, излучая власть. Его голос был чудесен. Он не рассердился, что я подсмотрела его секрет. Он лишь улыбнулся и попросил сохранить тайну...

Говоря это, она залилась нездоровым румянцем — то ли от действия гу, то ли от девичьего смущения. Её голос стал хриплым:

— Я видела, как он заботится о Ли Янь, и нарочно сблизилась с ней. Со временем я выведала всё. Молодой гу-король дарует долголетие и вечную молодость... Я хотела стать его верным соратником, его правой рукой, всегда быть рядом. Для этого мне нужна была личинка.

Цуй Люй посмотрел на неё с жалостью:

— А ты не спрашивала, как именно нужно выращивать эту личинку? Не боишься, что Молодой гу-король сожрет тебя заживо?

Цзи Байлин мертвой хваткой вцепилась в свою флейту:

— Конечно, спрашивала! Личинка Молодого гу-короля ещё не созрела, у неё нет сил защищаться. Поэтому в сумке Ли Янь всегда были марионеточные гу, оберегающие её. Я притворилась, что мне любопытно, и заставила Ли Янь научить меня управлять ими с помощью флейты. Ха-ха! Думаешь, почему Ли Янь не смогла отбиться от тех старух? Потому что я

заранее выманила из её сумки всех марионеток. Не оставила ей ни одной.

Би Хэн чувствовал, что задыхается. Он и представить не мог, что женская зависть может быть столь черной и коварной. Он горько раскаивался, что пошел на сделку с этой женщиной ради выгоды, невольно став соучастником преступления против невинной души. Цуй Люй был прав: в глубине души он не считал женщину равной себе. Но даже он не мог оправдать предательство той, кого называли «сестрой».

Это было слишком жестоко.

Цуй Люй молча смотрел на неё. Спрашивать больше было нечего. Он протянул руку к Би Хэну:

— Помоги мне встать.

Цзи Байлин, видя, как Би Хэн ведет к ней Цуй Люя, попятилась в ужасе:

— Что ты задумал?! Не смей ко мне прикасаться!

Цуй Люй одарил её презрительной усмешкой:

— Ты думала, раз у Ли Янь не осталось защитников, ты можешь безнаказанно распоряжаться её жизнью? Ты слишком самонадеянна. По крайней мере, здесь есть тот, кто знает, как пересадить гу.

С этими словами он извлек из рукава маленький золотой кинжал. Её острие медленно приближалось к межбровью Цзи Байлин. В её расширенных от ужаса глазах отразился блеск металла. Цуй Люй резко сменил направление и точными движениями сделал надрезы на обоих её висках. Кровь потекла вниз, к ушам.

Би Хэн замер, пораженный. Цзи Байлин не могла даже закричать от страха, из её горла доносился лишь сдавленный хрип. Цуй Люй не останавливался. Он толкнул её на пол и быстрыми движениями сделал надрезы на запястьях и щиколотках, в точности повторяя те раны, что были на теле Ли Янь после взрыва. Только в крови Цзи Байлин не было личинок.

Закончив, Цуй Люй почувствовал, как рана на его собственной спине снова закровоточила. Превозмогая боль, он бросил Би Хэну:

— Принеси Ли Янь.

Девушка находилась в соседней комнате. Стражник быстро принес её на руках. Следом вбежал Цю Саньдао. Увидев окровавленную Цзи Байлин, он выхватил меч, намереваясь отомстить, но Цуй Люй опередил его:

— Командир Цю, твой меч быстр. Но если ты хочешь разделить с ней участь истребления всего твоего рода — бей.

Би Хэн посмотрел на Цю Саньдао и указал на лежащую Ли Янь:

— Святая дева Цзиннаня. Личная избранница Великого императора. Ты ведь не знал этого, верно?

Цю Саньдао промолчал.

Он знал.

Но он молчаливо позволил Цзи Байлин совершить это безумие.

— Если не хочешь видеть, как Молодой гу-король высосет из неё жизнь, лучше не мешай мне,
— отрезал Цуй Люй.

Цю Саньдао отступил к дверям.

Цуй Люй велел положить Ли Янь рядом с Цзи Байлин. Несмотря на отчаянное сопротивление последней, он заставил их кровь смешаться в единую лужу. Затем он взял бамбуковую флейту из рук Цзи Байлин, поднес к губам и начал играть мелодию, понятную лишь уроженцам Цзиннаня. Это был звук трепещущих крыльев, стрекота насекомых, шорох пожираемой плоти.

Прошло много времени. Люди, не отрываясь, смотрели на кровавое пятно, пока у них не поплыло в глазах. Наконец, из раны на виске Цзи Байлин показались усики насекомого. Оно метнулось в одну сторону, в другую, и, найдя выход, с влажным шлепком упало в лужу крови. Под звуки флейты существо начало медленно ползти к Ли Янь.

Лицо Цзи Байлин на глазах начало увядать. Её черные волосы наполовину поседели. Тело, лишенное жизненных сил, мгновенно состарилось.

Она постарела более чем на десять лет за одно мгновение.

Дыхание Ли Янь внезапно стало глубоким. Словно очнувшись от кошмара, она распахнула глаза. Окружающие в ужасе отпрянули, ожидая чего угодно. Но девушка просто тихо лежала, не шевелясь.

Би Хэн помог Цуй Люю подойти к ней. Тот склонился над ней и тихо позвал:

— Девушка Ли? Янь-эр?

Ли Янь медленно повернула голову к Цуй Люю. Её взгляд был чистым и ясным. Она моргнула и спросила тонким, детским голоском:

— Что со мной? Кто вы? Где я?

Цуй Люй печально вздохнул. Её разум был поврежден. Она не помнила ни того, что произошло, ни тех, кто был рядом.

Может, так даже лучше?

Цуй Люй протянул ей руку и ласково улыбнулся:

— Вставай, дитя. Дедушка велит отвести тебя умыться, а потом мы вкусно поедим, хорошо?

Ли Янь растерянно посмотрела на него, затем на Би Хэна и на Цю Саньдао с мечом в руках. В итоге она выбрала Цуй Люя, который улыбался ей добрее всех.

— Хорошо, дедушка. Мне очень больно, и голова кружится... и я очень хочу кушать.

Внезапно занавесь рванулась, и в комнату вбежал всклокоченный Чжан Ляньцюэ:

— Лекарь! Лекарь! Почему я ничего не вижу?! Скорее, посмотрите на мои глаза...

Цуй Люй вздрогнул. Он совсем забыл, что велел оглушить Чжан Ляньцюэ и оставить его на углу улицы. Тот ввалился в комнату, ощупывая стены, а его широко раскрытые глаза были забиты белыми хлопьями.

Беда. Это гу-мотыльки!

Все, кто видел «облако» над Ли Янь, побледнели от ужаса и бросились прочь, прикрывая лица рукавами.

Только Ли Янь, недоуменно взглянув на него, подошла и потерла глаза Чжан Ляньцюэ. При этом она приговаривала:

— Как мои детки попали тебе в глазки? Видимо, они расшалились и убежали. Не бойся, всё хорошо. Я их сейчас заберу.

Все в оцепенении наблюдали, как Ли Янь пальцами массирует веки Чжан Ляньцюэ. Постепенно белые хлопья исчезли. Спустя время зрение судьи восстановилось. Увидев всё, что творится в комнате, он вскрикнул и рухнул в обморок.

Цуй Люй долго не мог вымолвить ни слова. Наконец, он хрипло спросил:

— Янь-эр, ты можешь забрать этих мотыльков? Они... они всё ещё опасны для людей? Ну, для тех, кто хочет иметь детей?

Ли Янь склонила голову набок, поправила растрепанные волосы и задумалась:

— Я могу позвать деток обратно. Но только если они ещё не спрятались внутри человека. Если прошло меньше трех дней, их можно забрать. А если больше — они сливаются с кровью, и тогда я бессильна.

Цуй Люй и Би Хэн обменялись взглядами. Би Хэн мгновенно приказал страже:

— Быстро! Расклейте указы! Напишите, что здесь лечат от укусов мотыльков. Пусть все, кто был рядом с этим маревом, немедленно идут сюда!

Но как заставить людей поверить? Те, у кого глаза не побелели, как у Чжан Ляньцюэ, вряд ли придут сами.

Цю Саньдао поднял на руки потерявшую сознание Цзи Байлин. Взглянув на Ли Янь, чей разум стал детским, он предложил:

— Можно провести её по всему городу. Она почувствует, у кого внутри остались мотыльки.

Ли Янь спряталась за спину Цуй Люя и показала Цю Саньдао язык:

— Злой дядя.

Цю Саньдао замер, а затем медленно кивнул:

— Она была несправедлива к тебе. Я прошу прощения за неё. Не держи зла, она просто оступилась. Я буду присматривать за ней. Ли Янь, пожалуйста... не жалуйся на неё своему учителю.

Ли Янь не понимала его слов, но этот человек и женщина в его руках ей явно не нравились. Она потянула Цуй Люя за рукав:

— Дедушка, прогони их. Они меня обижали. Я хочу... я хочу... Ой, а где мой дом?

Дом Янь Сю лежал в руинах. Глядя на двор, заполненный невидимым маревом, префект впал в отчаяние. Он приказывал слугам хлопать в ладоши, пытаясь отогнать «туман», сам дрожал от

страха. Именитые гости, собиравшиеся в его доме, давно разбежались. Каждый спешил домой, чтобы сменить одежду и смыть с себя этот кошмар.

Вскоре по знатым домам Цзянчжоу поползли слухи. Слова Цзи Байлин, её угрозы у ворот префектуры пересказывались с новыми и новыми подробностями. Кто-то верил, кто-то нет, но все были едины в одном: Янь Сю больше не может править областью.

Пришло время сменить хозяина в префектуре Цзянчжоу.

<http://bllate.org/book/16118/1586212>